

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1984

6

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Большой вклад в повышение качества учительских кадров вносили Республиканский институт усовершенствования учителей, организованный в феврале 1940 г., годичные курсы по подготовке учителей-предметников при ОАИОНУ, республиканские и областные педагогические конференции по обмену опытом¹².

Высоко оценивая роль учителя в строительстве социализма и коммунизма, В. И. Ленин требовал, чтобы советский учитель был поставлен на такую высоту, «на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе»¹³.

Эти указания В. И. Ленина последовательно претворялись в жизнь Коммунистической партией. Так, в 30-х годах неоднократно повышалась заработная плата учителей. В мае 1939 г. Президиум Верховного Совета СССР отмечал благородный и почетный труд учителей сельских школ Узбекистана, наградив орденом Ленина 13 человек, орденом Трудового Красного Знамени — 27, орденом «Знак Почета» — 29, медалями «За трудовую доблесть» — 42, «За трудовое отличие» — 30 человек. В августе 1940 г. в ознаменование Дня учителя за безупречную работу в области народного образования и активное участие в общественной жизни приказом по Наркомпросу УзССР была объявлена благодарность большой группе учителей и работников народного образования, а 64 учителя школ Хорезмской области, кроме того, получали денежные премии от 400 до 700 руб. каждый¹⁴.

Успехи, достигнутые в развитии народного образования в годы довоенных пятилеток, были закреплены и значительно преумножены на последующих этапах социалистического строительства. Особенно крупными достижениями отмечено школьное строительство в стране в условиях зрелого социализма. Только в Узбекистане ныне функционирует 9350 школ всех типов с 4233 тыс. учащихся¹⁵. Высокоразвитая система советского народного образования стала одним из важнейших компонентов социалистического образа жизни, мощным фактором коммунистического воспитания подрастающего поколения, подготовки его к активному участию в общем деле строительства коммунизма.

Сейчас перед нашей школой встали новые ответственные задачи качественного улучшения всей учебно-воспитательной работы, органического соединения обучения с основательной подготовкой молодежи к жизни и труду. Задачи эти четко определены в документах июньского (1983 г.) и апрельского (1984 г.) Пленумов ЦК КПСС, утвержденных Верховным Советом СССР Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы, соответствующих постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР, выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко. И нет сомнения в том, что наша школа, замечательная армия советских учителей с честью выполняют поставленные партийные задачи и обеспечат новый подъем советской системы народного образования на уровень, отвечающий потребностям ускоренного социально-экономического и культурного развития нашего общества, дальнейшего совершенствования зрелого социализма, формирования нового человека — активного строителя коммунизма.

Р. Х. Турсунбе

¹² ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 16, д. 1381, л. 93, 94.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 365.

¹⁴ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 16, д. 1392, л. 1—6, 61.

¹⁵ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1982 году. Статистический ежегодник. Ташкент, 1983, с. 244.

О РОЛИ ИРТЫШСКОЙ ЛИНИИ В РАЗВИТИИ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ И РОССИЕЙ (XVIII— ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

С давних пор население Казахстана и Узбекистана было тесно связано не только территориальной близостью, но и политическими отношениями, а также взаимовыгодными торгово-экономическими контактами. Торговые взаимосвязи между русским населением Казахстана и узбеками в XVIII— первой половине XIX в. осуществлялись в основном через российские военно-оборонительные укрепления, созданные в первой четверти XVIII в. петровскими военно-разведочными экспедициями¹.

Крепости и форпосты, имевшие первоначально военно-оборонительные функции, со временем превратились в центры торговых взаимосвязей с узбеками и другими среднеазиатскими народами. Через них в Восточном Казахстане пролегали караванные маршруты в Джунгарию и иные азиатские владения. До 30-х годов XVIII в. местом оживленной торговли с джунгарами был г. Тара, куда ташкентские, бухарские и другие торговцы привозили шубы, мерлушки, корсаков, воск, соболей². Однако близость Коряковской, Усть-Каменогорской крепостей и иных военно-опорных пунктов к границам Джунгарского ханства отодвинула Тару как центр торговли с джунгарами и другими алтайскими племенами на второй план.

¹ Время основания крепостей: Ямышевская, Омская — 1716 г., Железнодорожная — 1717 г., Семипалатинская — 1718 г., Коряковская — 1719 г., Усть-Каменогорская — 1720 г., Бухтарминская — 1763 г.

² Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск, 1965, с. 81.

Известный исследователь Сибири Г. Ф. Миллер, посетивший эти районы в 30-х годах XVIII в., особо подчеркивал роль Ямышевской и Семипалатинской крепостей в развитии торговли³. Это побудило правительство принять решение, согласно которому **торговые связи джунгар были ограничены двумя упомянутыми укреплениями**⁴. За джунгарскими, бухарскими и другими азиатскими торговцами было закреплено право въезда во внутренние районы Сибири, но с условием обязательного взимания с их товаров пошлин. Основную часть торговых операций с джунгарами проводили среднеазиатские (в частности, бухарские) купцы, что было продиктовано далеко идущими политическими целями царизма, который посредством торговли добивался распространения своего политического влияния и среди других народов Центральной Азии.

Особенно частными гостями русских укреплений Северо-Восточного Казахстана были сучарцы. Они привозили в сибирские укрепления бумажные ткани, шкуры волков, лисьи, овчины, тулупы и т. д. Только в 1747 г. в Ямышевскую и Семипалатинскую крепости таких товаров было доставлено азиатскими, в том числе среднеазиатскими, торговцами 9749 тюков⁵. В Ямышевскую крепость в 1747 г. бухарцев приехало 350, в 1748 г.—348, в Семипалатинскую крепость в 1750 г.—261, в 1751 г.—593 человека⁶. Они приезжали в Ямышевскую крепость в основном в летние месяцы⁷.

Превращение Ямышевской, Усть-Каменогорской, Семипалатинской крепостей в крупные центры торговли со среднеазиатскими народами обусловило принятие некоторых мер по организации приема узбекских и других купцов. 22 марта 1748 г. командующий отдельным Сибирским корпусом генерал-майор И. В. Киндерман в инструкции комендантам пограничных укреплений распорядился построить гостинные дворы «для порядка приезжающих иностранных купцов»⁸.

Усилению торгового значения крепостей Северо-Восточного Казахстана способствовали открытие в 1753 г. Семипалатинской таможни и учреждение в 1754 г. в Ямышевской и Семипалатинской крепостях таможенных комиссаров, в обязанности которых входила проверка проходящих караванов. В 1760 г. в Семипалатинской⁹, а в 1765 г.—в Усть-Каменогорской крепостях были открыты меновые дворы¹⁰. Кроме того, сибирскими властями были построены караван-сарай для азиатских купцов¹¹. Оживленные рынки все больше привлекали к себе как казахских скотовладельцев, так и торговцев из Ташкента и Бухары. К тому же среднеазиатским купцам было безопаснее и ближе ходить в Усть-Каменогорскую, Ямышевскую крепости, чем в Тобольск или Тюмень¹².

В декабре 1766 г. Государственная коммерц-коллегия рассмотрела рапорт командующего Сибирской линией генерал-поручика И. И. Шпрингера, в котором содержались любопытные данные, подтверждающие готовность бухарцев «выходить с большими караванами и производить торг» в Ямышевской и Семипалатинской крепостях. Причем инициатива исходила от хана Среднего жуза Абулмамбета¹³. 15 ноября 1767 г. по распоряжению императрицы Екатерины II просьба посланников Абулмамбет-хана была удовлетворена¹⁴. Ямышевская, Семипалатинская и отчасти Железинская крепости становились наиболее оживленными пунктами товарообмена, где в отдельные годы в коммерческих сделках участвовали «одни бухарцы и ташкентцы»¹⁵, хотя и Бухтарминская крепость, помимо других назначений, была определена для торговли с Бухарой и Индией¹⁶.

Наиболее ценные товары, привозимые среднеазиатскими торговцами в русские пограничные крепости, нередко отправлялись в Москву¹⁷. Следующие данные говорят о размерах пошлин, поступавших от бухарских и ташкентских торговцев в Семипалатинскую таможню: в 1760 г.—330 руб. 42 коп., в 1761 г.—380 руб. 68¼ коп., в 1762 г.—308 руб. 47 коп., в 1763 г.—306 руб. 10 коп., в 1764 г.—1464 руб. 74 коп., в 1765 г.—2514 руб. 40 коп., в 1766 г.—1249 руб. 48¼ коп., в 1767 г.—1073 руб. 14 коп., в 1768 г.—2754 руб. 53¼ коп., в 1769 г.—4003 руб. 93¼ коп.¹⁸

С постепенным упрочением политических и хозяйственных связей между Казахстаном и Россией пограничные пункты превратились в центры обмена продуктов

³ Миллер Г. Ф. О торгах сибирских. СПб., 1756, с. 28.

⁴ Потанин Г. Н. Материалы для истории Сибири. Ч. I. СПб., 1867, с. 483.

⁵ Струве К., Потанин Г. Н. Поездка по Восточному Тарбагатаю.—Записки ИРГО по общей географии, т. I, СПб., 1867, с. 477.

⁶ Струве К., Потанин Г. Н. Поездка по Восточному Тарбагатаю..., с. 480.

⁷ Миллер Г. Ф. О торгах сибирских, с. 28.

⁸ Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. (Сборник документов и материалов). Алма-Ата, 1961, с. 377.

⁹ ЦГА КазССР, ф. 64, оп. 1, д. 2811, л. 43.

¹⁰ Абрамов Н. Усть-Каменогорск в 1861 г.—Записки ИРГО, кн. IV, СПб, 1863, с. 125.

¹¹ Обзор Семипалатинской области за 1903 г. Семипалатинск, 1904, с. 4.

¹² Балкашин Н. Торговое движение между Западной Сибирью, Средней Азией и китайскими владениями.—Записки Зап.-Сиб. РГО, кн. 3, Омск, 1881, с. 4.

¹³ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 527, л. 8.

¹⁴ Там же, л. 56 об.

¹⁵ Архив Всесоюзного Географического общества (АВГО) СССР, ф. 64, оп. 1, д. 14, л. 42.

¹⁶ Государственный архив Алтайского края (ГААК), ф. 132, оп. 1, д. 14, л. 42.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 502, л. 12 об.

¹⁸ АВГО СССР, ф. 64, оп. 1, д. 14, л. 43 об.

животноводства и изделий среднеазиатского ремесленного производства на товары российской промышленности. Расширение торгово-экономических контактов диктовалось и политическими соображениями: чтобы лучше охранять наши государственные границы, оставив за собою это влияние. И главным образом, обеспечить нашу торговлю в этих владениях»¹⁹. В табл. 1 в качестве примера приведены данные об объеме и ассортименте товаров, привезенных ташкентскими и бухарскими купцами в Семипалатинскую, Ямышевскую и Омскую крепости в 1770 г.²⁰

Кроме того, купцы из Ташкента и Бухары привозили шелка, шкуры барсов, «степных кошек», волков²¹. Хивинцы доставляли шкуры бобров, лисиц, куниц, соболей, телят²². Эти товары, по свидетельству Г. Ф. Миллера, развозились не только по всей Сибири и прилегающим районам Казахстана, но доставлялись даже на Камчатку²³.

В 1777 г. был обнародован новый тариф для Оренбургской, Троицкой и Семипалатинской таможен, по которому пошлины на азиатские товары были снижены²⁴. Был разрешен также беспошлинный привоз хлопчатобумажных изделий и шелка, которыми в основном торговали среднеазиатские торговцы большей частью узбеки.

Вовлечение ташкентских, бухарских и других среднеазиатских купцов в тор-

Таблица 1

Товары	Крепости		
	Семипалатинская	Ямышевская	Омская
Армянина нерблужей шерсти (аршин)	42	49	8
Бязи бумажные, белые полосатые (аршин)	3670	5	3
Китайский бархат (аршин)	81	—	—
Войлок из овечьей шерсти (пудов)	117	41	9
Быки, коровы (голов)	1075	338	573
Бараны (голов)	780	9	247

говлю в русских пограничных укреплениях благоприятно сказывалось на этно-демографических процессах в регионе. В ходе расширения торговых взаимосвязей постепенно возрастал удельный вес выходцев из Коканда, Ташкента и др., обосновавшихся в русских крепостях. Например, по данным Х. Зияева, в конце XVIII в. в Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Петропавловске и других поселениях проживало более 1000 бухарцев и ташкентцев²⁵. Среди узбеков, осевших в крепостях Северо-Восточного Казахстана, было немало лиц, принявших российское подданство, которые, поселясь казахскую степь и со-

предельные с ней регионы, оказывали России «верные услуги и держали себя в непоколебимой верности»²⁶.

Поощряя приезд азиатских купцов в русские укрепления, сибирские пограничные власти вместе с тем постоянно следили через таможенные заставы за «недопуском» для продажи запрещенных министерством коммерции товаров. Так, 11 августа 1802 г. инспектор сибирских линий генерал-майор Н. И. Лавров предписал начальнику Семипалатинской таможни «подтвердить, дабы не было промисено азиатами запрещенных вещей, как-то огнестрельного оружия, пороха, свинца, российской монеты и солдатского сукна»²⁷. В целях предотвращения провоза или продажи упомянутых товаров купеческие караваны, в том числе ташкентские и бухарские, проходившие близ русских укреплений, тщательно просматривались. Купцы, утаившие свои товары от контрольной проверки, подлежали привлечению к ответственности. Так, 22 августа 1804 г. начальник Бухтарминской таможни доложил инспектору сибирских линий, что «жительствоющие в киргизских аулах ташкентцы передвигались необыкновенной дорожкой, проехали мимо крепости и форпоста в степь и что при всем старании удержать их, они с буйством отбивались, некоторых посланных даже прибили»²⁸. 16 декабря 1804 г. министерство коммерции специальным предписанием губернатору Западной Сибири уведомило «о дерзких поступках кочующих в киргизских (казахских.— Ж. К.) аулах ташкентцев» и потребовало, «чтобы он (Н. И. Лавров.— Ж. К.) благоволил принять меры»²⁹.

Объектами торговли среднеазиатских купцов нередко были и пленники, рабы. Купля-продажа рабов осуществлялась в начале XIX в. через Оренбургскую Погранич-

¹⁹ ЦГВИА СССР, ф. 483, оп. 1, д. 120, л. 2.

²⁰ ЦГАДА, ф. 248, оп. 112, д. 66, л. 2.

²¹ См.: Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М., 1871, с. 45.

²² ЦГАДА, ф. 276, оп. 1, д. 502, л. 12 об.

²³ См.: Миллер Г. Ф. О торгах сибирских.— Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., май, 1760, с. 416.

²⁴ Систематический каталог по делам Государственной коммерц-коллегии. Сост. Н. Кайданов. СПб., 1884, с. 9.

²⁵ Зияев Х. Узбеки в Сибири. Ташкент, 1968, с. 41.

²⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 2, оп. 4, д. 6, л. 3.

²⁷ ЦГА КазССР, ф. 345, оп. 2, д. 156, л. 9 об.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 13, оп. 2, д. 978, л. 1.

²⁹ Там же.

ную комиссию³⁰, а позднее это положение распространилось и на Сибирскую линию³¹.

Одним из источников приобретения невольников были частые столкновения в среднеазиатских ханствах, непосредственно примыкавших к Казахстану. «Калмык, тоссян... промышляют в Хиву, каракалпакам, туркменам и в Ташкенту», — читаем в одном документе того времени³². Путешественник А. Янушкевич в своих путевых записках приводит факт приобретения ташкентцами несколько сотен невольников³³.

Завершение добровольного вхождения Среднего жуза в состав России открыло благоприятные условия для оживленных торговых связей между Казахстаном и среднеазиатскими владениями, которые, как и прежде, осуществлялись через российские таможи.росло число ташкентских и бухарских торговцев, которые в значительном количестве поселялись в городах и крепостях Северо-Восточного Казахстана. «Разбили свои... бухарские шатры. Одеты в пестрые халаты и бешметы, они отдают нам официальные визиты, пьют у нас чай, говорят мало, как обычно киргизы (казахская.—Ж. К.) аристократия, желающая соблюсти хороший тон», — сообщал тот же А. Янушкевич в письме к матери от 5 июня 1846 г. из Аягуза, где он побывал в составе экспедиции начальника пограничного управления генерал-майора Н. Ф. Вишневского³⁴. В 1852 г. в Семипалатинске ташкентских купцов было 48, а вообще «называвшихся иностранцами» — 306³⁵. В 1857 г. в Усть-Каменогорске, Семипалатинске, Петропавловске проживало 280 семей из Средней Азии (526 лиц мужского и 539 — женского пола)³⁶, не состоявших в российском подданстве. Многие из них избрали торговлю основным видом занятий. Правительство, по-прежнему заботясь о расширении торгово-экономических связей со среднеазиатскими ханствами, всячески поощряло заселение городов и иных пунктов кокандскими, бухарскими, ташкентскими торговыми людьми.

Среднеазиатским торговцам, в частности узбекам, принадлежала значительная роль в развитии торговли с Сибирью, транзитными или перевалочными пунктами на пути к которому служили Семипалатинск, Зайсан, Бухтарма и другие города и поселения. Например, 30 апреля 1812 г. караван ташкентских купцов Миркурбана Ниязова и Ахмедия Аширова, прошедший через казахскую степь в Чугучак и Кульджу, благополучно возвратился. Согласно сообщению коменданта Семипалатинской крепости полковника Русановича командиру дивизии пограничных войск Сибирской линии генерал-лейтенанту Г. И. Глазенапу, вместе с упомянутыми купцами из китайских пределов возвратились грузинский дворянин Семен Мадатов с тремя «подобными себе торговцами». Караван их состоял из 200 лошадей; стоимость доставленных товаров составила около 1 млн. руб.³⁷

Бухарские и ташкентские купцы доставляли пограничным властям различные сведения о возможностях дальнейшего расширения торговых операций. Так, 21 января 1821 г. ташкентский купец Муминов, возвратившись из Кульджи в Семипалатинск, отметил «деятельную торговлю в том городе (в Кульдже.—Ж. К.) и что по сравнению с прошедшими годами (торговые сделки.—Ж. К.) доставили очень большие выгоды»³⁸. Известный путешественник А. Гумбольдт сообщал в своих записках, что он получил много сведений от бухарцев и ташкентцев о торговых маршрутах в Кульджу³⁹.

Таким образом, города и крепости Иртышской линии играли важную роль в развитии торговли между Россией, Казахстаном и Средней Азией в период, предшествовавший присоединению Средней Азии к России.

Ж. К. Касымбаев

³⁰ ГААК, ф. 136, оп. 1, д. 198, л. 10 об.

³¹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 19209, ч. 2, л. 495.

³² Там же, с. 496.

³³ См.: Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям (пер. с польск. Ф. Стекловой).— Алма-Ата, 1966, с. 112.

³⁴ Там же, с. 46.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 1264, оп. 1, д. 312, л. 40 об.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 13, д. 19, л. 24—25.

³⁷ Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 6, оп. 1, д. 109, л. 99—103.

³⁸ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 159, л. 1433.

³⁹ См.: Барона Гумбольдта путешествие в 1829 г. по Сибири и Каспийскому морю. СПб., 1837, с. 20—21.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, ОТКРЫТИЯ, НАХОДКИ

ОСОБЕННОСТИ РАССЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕН В ДОЛИНЕ СУРХАНА В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Археологические материалы играют важную роль в изучении проблем историко-этнографического или историко-культурного районирования¹. Здесь конкретно прояв-

¹ См. об этом: Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования).— Советская этнография, 1975, № 3.

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1990

9

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Все это актуализирует научно-теоретическое и практическое значение предвидения, а вместе с тем возрастает и значимость дальнейшего глубокого изучения проблемы предвидения, его роли и места в научном познании, сущности познавательного процесса вообще, его закономерностей, структуры, творческой природы и др.

К. Ж. Туленова

ВНУТРЕННЯЯ ТОРГОВЛЯ В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В традиционном хозяйственном укладе населения Хивинского ханства XIX в. значительное место занимала внутренняя торговля, сосредоточенная на базарах городов и селений. Главными торговыми центрами и рынками сбыта были Хива и Новый Ургенч¹.

Удобное географическое положение (близость Амударьи и больших караванных дорог, связывавших ханство с Россией и Бухарой) также способствовало сосредоточению оптовой торговли в Хиве, Новом Ургенче, других городах, что играло большую роль в экономической жизни края².

Всего в ханстве существовало 35 базаров. Из них 24 считались подшальчными (ханскими и вакуфными), остальные 11 были собственностью частных лиц³. Кроме Хивы и Нового Ургенча, большие базары имелись в Ханки, Хазараспе, Клычниязбае, Шавате, Гурлене, Мангыте, Кунграде, Ходжейли, Ташаузе и других пунктах⁴, которые к середине XIX в. становятся торгово-ремесленными центрами с базарами и караван-сараями — местами временного пребывания торговцев и складами для привезенных или купленных ими товаров.

В 60 — начале 70-х годов XIX в. на базарах ханства насчитывалось более 2 тыс. лавок. Например, в г. Хиве имелось 400 лавок на крытом базаре и 50 — в караван-сараях⁵, в Хазараспе — 400 лавок⁶, в Ходжейли, Новом Ургенче и Ташаузе — по 300, в Гурлене — 200⁷, Кунграде — 315⁸, Куня-Ургенче — 100, Шавате и Шах-Аббас-Вали — 34 лавки⁹.

Базары обычно были расположены на небольшом расстоянии друг от друга — примерно 30—35 верст. Так, расстояние между базарами Хивы и Нового Ургенча составляло 36 верст, между Хазараспом и Ханками — 38, Ишан-базаром и Новым Ургенчем — 3/, Багатом и Новым Ургенчем — 28, Хивой и Ханками — 40 верст¹⁰.

Как правило, базары размещались в центральной части города или селения. Торговля в основном шла в базарные дни: в Хиве — по понедельникам и четвергам, в Новом Ургенче — по воскресеньям и средам, в Ханки и Кяте — по вторникам и субботам, в Хазараспе — по понедельникам и пятницам, в Ишан-базаре — по четвергам и воскресеньям¹¹; в прочие дни в основном торговали табаком, чаем, рисом, керосином, спичками в нескольких маленьких дуканах в разных частях базара¹².

В базарные дни жители из окрестных мест приезжали для продажи продуктов своего труда и закупки необходимых им товаров. Покупали они в основном продукты сельского хозяйства, а также изделия ремесленников и предметы фабрично-заводского производства.

В эти дни к базарам стекались и временные торговцы — ремесленники со своими изделиями, земледельцы — с хлебом и другими продуктами, кочевники — со скотом и изделиями из шерсти¹³.

При этом явно сказывалось тяготение окрестных жителей к определенным базарным пунктам. Например, кочевые жители Амударьинского отдела и казахи нескольких Казалинских волостей съезжались на базары в северные районы ханства, большей частью к Кунграду¹⁴.

¹ Туркестанский сборник. Т. 30. С. 93 (Военно-статистический сборник. Вып. III. СПб., 1887).

² Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 2. Ч. 2. Ташкент, 1926. С. 86.

³ Садыков А. С. Экономические связи Хивы с Россией во второй половине XIX — начале XX века. Ташкент, 1965. С. 109.

⁴ Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940. С. 140—141.

⁵ Гулямов Я. Г. Памятники города Хивы. Ташкент, 1941. С. 32.

⁶ Туркестанские ведомости. 1874. № 2.

⁷ Там же. № 12.

⁸ Желябужский Е. Очерки завоевания Хивы. М., 1875. С. 59 (Туркестанский сборник. Т. 42. С. 109—110).

⁹ Туркестанские ведомости. 1874. № 14.

¹⁰ Современный кишлак Средней Азии. Вып. 2. Ташкент, 1926. С. 109.

¹¹ Туркестанские ведомости. 1874. № 12 (Материалы по районированию Средней Азии. С. 109—111).

¹² ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 5 об.

¹³ Обзор Сыр-Дарьинской области: Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора области за 1885 г. СПб., 1886. С. 201—202.

¹⁴ ЦГА УзССР, ф. И-2, оп. 1, д. 291, л. 93.

В Ходжейли приезжали и каракалпаки с правого берега Амударьи, пригонявшие скот и торговавшие продуктами скотоводства.

«Внутренняя торговля в Хивинском ханстве,— отмечал подполковник Г. И. Данилевский,— довольно деятельна, по причине значительного числа кочевых народов, стекающихся на его базары для мены скота на некоторые жизненные припасы»¹⁵.

Территория базаров таких крупных центров, как Хива, подразделялась на отдельные торгово-ремесленные ряды: хлопковый базар, кунжутный, зерновой, базар хлопковых семян, рисовый, марены и табака, коконов, бакалейный, лепешек, по продаже свечей и мыла¹⁶.

Базар по продаже скота, в свою очередь, разделялся по видам скота: базар, где продавали лошадей (от бозор), баранов (куй бозор) и др. Так, Ильялы считался главным базаром, где торговали лошадьми¹⁷. На базарах Кунграда, Ходжейли и Чимбая продавали не только скот, но и продукты животноводства¹⁸. Рядом с базарами скота шла купля-продажа клевера.

Базарная площадь крупных городов размещалась на одной из центральных улиц. По одну ее сторону торговали сельскохозяйственными продуктами, на противоположной — шла торговля произведениями ремесленного производства.

«В Средней Азии почти всякий базар или базарчик на лето крылся, но это делалось наскоро, кое-как, с помощью перекинутых через улицу жердей, на которые набрасывался камыш или плетенка»¹⁹.

Крытый же базар в Хиве состоял из двух больших купольных помещений. С востока и запада на базар вели большие арочные ворота. По планировке и назначению на нем специально велась торговля шелком и шелковыми изделиями. Возле ворот Палван-Дарваза был крытый базар, лавки которого служили главным образом для торга импортными товарами: мануфактурой, галантереей, сладостями, перцем, лекарствами. Особенно оживленная торговля происходила здесь в дни больших праздников²⁰.

Базарный день круглый год начинался с раннего утра на скотном базаре, затем оживленный торг последовательно переходил с одного места на другое. И продавцы, и покупатели прежде всего спешили туда, где продавались бараны. Баран (куй) олицетворял собой достаток (поэтому прикосновение рукой ко лбу барана, затем той же рукой к собственному лбу означало передачу этой благодати на производящего жест). После этого следовали на конский базар с целью обрести удачу и счастье. Существовала поговорка: «Куй бозор — бой бозор, от бозор — бахт бозор». И только после выполнения этого ритуала приступали к торговле²¹.

Ремесленно-кустарное производство в ханстве сосредоточивалось в основном в городах. В Хиве на крытой части базара размещались ремесленные мастерские заргаров (ювелиров), кузнецов, медников, лавки торговцев мануфактурой.

Некоторые ремесленники имели на базаре свои мастерские, служившие одновременно и лавками для продажи их продукции. Так, по архивным данным, жители городов (если они не принадлежали к духовенству или администрации, либо к числу случайных людей) непременно занимались ремеслом и продавали свои произведения в базарные дни²².

«Базар в Хиве,— писал один из очевидцев,— состоит из двух узеньких улиц, с лавками, тут же на базаре имеются караван-сарай, в которых много комнат, здесь же размещалась таможня, где брали пошлину с привезенного товара, в конце сарая продают людей, недалеко от этого базара, так с полверсты, идет базар, где продают скот, потом пшеницу, и дальше идет почти вроде нашей толкучки: тут продают тулупы, халаты, сапоги, баранину и всякую необходимость»²³.

Говоря о торговых отношениях в ханстве, следует отметить сохранившиеся пережитки рабовладения и работорговли.

Ценные сведения по этому вопросу имеются у авторов 60—70-х годов XIX в., побывавших в отдельных районах ханства и видевших, как продают рабов. Невольников продавали в Хиве, Куня-Ургенче, Кунграде, Чимбае, Ходжейли, Ханках и др. Число рабов и рабынь, по словам хивинцев, доходило до 40 тыс.²⁴

По сведениям А. П. Хорошхина, в Хиве только из числа пленных в 1863 г. было 10 тыс. рабов; у одного ближайшего советника хана, Мат-Мурада было 150 рабов,

¹⁵ АВПР, «Главный архив» 1—9, оп. 8, д. 6, л. 110—110 об.

¹⁶ Иванов П. П. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940. С. 139—140.

¹⁷ Гулишамбаров С. И. Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой. Асхабад, 1913. С. 163.

¹⁸ Лобачевский В. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа: Хивинский район. Ташкент, 1912. С. 91.

¹⁹ Федченко А. П. Путешествие в Туркестан. Т. I. Ч. 2. СПб., 1875. С. 48.

²⁰ Гулямов Я. Г. Памятники города Хивы. С. 29—33.

²¹ Сазонова М. В. Традиционное хозяйство узбеков Южного Хорезма. М., 1976. С. 94—95.

²² ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 1.

²³ Хива по рассказам пленных//Туркестанский сборник. Т. 42. С. 109—110. (Желябужский Е. Очерки завоевания Хивы. С. 83).

²⁴ ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 117, л. 10.

а на каждый базар «пригоняли за раз по 200 и более рабов»²⁵. По сообщению А. Л. Куна, молодая, красивая рабыня стояла на базаре от 40 до 250 тилля, а молодой раб продавался за 30—150 тилля²⁶. Вопреки Гапдемианскому договору, в одном из пунктов которого значилось запрещение рабства и работорговли, продажа рабов на базарах ханства продолжалась еще много лет.

Куния-Ургенч также славился большим базаром. Кроме хивинцев, там торговали и туркмены — коврами, кошмами, курджумами (хурджун), пшеницей, а также «красным» товаром²⁷.

Ходжейлинский базар имел такое же значение для каракалпаков и казахов, как Куния-Ургенч для туркмен. Базар в Ходжейли находился почти в центре города, на тесной улице, в «которой не разъехались бы две арбы, но крытой плоской кровлею», — писал один из дореволюционных авторов. По обеим сторонам улицы тянулись торговые лавки; чаще других встречались фруктовые, с сушеными плодами, свежими вишней и абрикосами, а в остальных лавках продавали халаты, сапоги из верблюжьей кожи, конские уборы, посуду, табак, чай, рыбу и др.²⁸

Рядом с фруктовыми лавками шла торговля продуктами животноводства (коровье масло, топленое баранье сало, шерсть баранов, шкуры коз и овец)²⁹.

На базарах ханства бывало много рыбы таких пород, как шип (красная рыба), усач, сом, сазан, лещ, судак. Население больше всего ценило сома, усача и особенно сазана. Большая часть рыбы продавалась на местных базарах в Кунграде, Чимбае, Ходжейли и Клыч-Кале. Доставляли ее в основном в свежем виде.

На базаре Чимбая было 36 рыбных лавок³⁰. Особенно славился рыбный базар Кунграда. «Кунградский базар, — писал А. Л. Кун, — изобилует рыбой, рисом и ячменем»³¹.

Оживленная торговля велась и на сельских базарах. Городские торговцы продавали там привезенные товары и скупали местное сырье. Но торговля была не лавочной, а караванно-ночной: торговцы постоянно переезжали со своими товарами с одного места на другое³².

На рубеже XX в. 16% населения г. Хивы составляли торговцы. Исключительно высоким был процент торговцев в Хазраспе, где они составляли 36% населения. Горожане торговали круглый год, тогда как крестьяне продавали свои продукты сезонно, с июля по октябрь³³.

Торговцы делились на ряд категорий. Наиболее распространенными были «бакалы» (бакалейщики) — мелочные торговцы предметами первой необходимости; «баззоз» — продавцы бумажных и шелковых тканей; «аттор» — москательщики и торговцы разными лекарствами; «чапан-фуруш» — продавцы халатов. Среди торговцев выделялись оптовики — «савдагар» (купец)³⁴. Они же занимались доставкой товаров в ханство. В их числе можно было встретить лиц из администрации и духовенства³⁵.

Кроме продавцов и покупателей, на базарах действовали посредники-маклеры (далалы), участвовавшие главным образом в продаже скота. Нередко под видом посредника выступали перекупщики, наживавшие себе состояние на перепродаже скота или другого товара.

Центром торговли в ханстве считался Новый Ургенч, где жили самые богатые хивинские купцы, ведущие оптовую торговлю с Россией, Бухарой и другими соседними странами.

В городе существовал громадный караван-сарай, в котором находился склад товаров на сотни тысяч рублей. Здесь в основном и совершались большие сделки между оптовиками и торговцами розницей.

Новый Ургенч занимал центральное положение в южной части ханства, где проживала главная масса потребителей предметов фабрично-заводской промышленности и сосредоточивалась большая часть вывозимого хлопка и семян люцерны.

Хлопком на базарах ханства торговали в течение целого года. Каждый дехканин, имевший запас хлопка, часть его продавал на базаре своего кишлака или вывозил в соседний кишлак, город³⁶.

В 50—60-х годах основную массу вывозимых семян люцерны давали низовья Амударьи. Главным местом их скупки был базар в Новом Ургенче. Крупные скупщики везли семена для продажи в Оренбург, а затем их сбывали за границу:

²⁵ Хорошхин А. П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876. С. 484; ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 117, л. 10 об.

²⁶ Кун А. Л. От Хивы до Газавата/Туркестанские ведомости. 1873. № 32.

²⁷ Лавров М. В. Туркестан (География и история края). М., 1914. С. 194.

²⁸ Алиханов-Аварский М. Поход в Хиву 1873 г. СПб., 1899. С. 191.

²⁹ Лавров М. В. Туркестан... С. 194.

³⁰ Туркестанский сборник. Т. 72. С. 277—278.

³¹ Туркестанские ведомости. 1874. № 6.

³² Обзор Сыр-Дарьинской области... С. 201.

³³ Современный кишлак Средней Азии. Вып. 2. С. 107.

³⁴ ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 1 об.

³⁵ Там же.

³⁶ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 16, д. 624, л. 7.

в Италию, Германию, Америку. Хивинские семена люцерны по качеству конкурировали с французскими и итальянскими сортами, а потому стоили дороже.

Крупные торговцы скупали на базарах или непосредственно у крестьян, в селениях хлопок, марену (руян), рис, сухофрукты, кожу и др. и, упаковав их в верблюжьи тюки, караванами отправляли в Россию³⁷.

Среди крупных купцов были узбеки, персы, татары и др. Как явствуют архивные материалы, купцы делились на две категории: одни занимались привозом товаров, другие — вывозом его из ханства³⁸.

С ростом торговли начинает формироваться и торговая буржуазия. Среди купцов особенно выделялись: в г. Хиве — Мухамед Керим-бай, Ходжа Сагир, Суфи-бай Ходжа, в Новом Ургенче — Шакир-бай, Хурджин, Ходжа Сагир, Мухамед Шериф Бакал³⁹, в Ханки и Хазараспе — Гаудан Разак-Берды, Вали-бай, Саидхан и др.⁴⁰

Промышленные товары поступали мелочным торговцам от оптовиков, закупавших их в городах России и в других соседних странах⁴¹. Мелочники, по данным архивных материалов, занимались перепродажей товаров и существовали на проценты от своей торговли⁴². Многие из них «прогорали», залезали в долги. Купец, торговавший не «красным» товаром, покупал его на свои деньги, тогда как «красный» товар (т. е. ткани, мануфактура) мелочник приобретал в кредит у оптовика. Мелкий торговец старался набрать в долг как можно больше товаров для удовлетворения запросов большого числа людей. Распродавая по мелочам взятый ими в кредит товар, они, однако, не всегда могли реализовать его в короткий срок. Между тем на содержание самого торговца, его семьи, лошадей, перевозивших товар с базара на базар, требовались деньги, а их не всегда удавалось выручить. Поэтому перепродавцы нередко становились неоплатными должниками оптовых торговцев. В свою очередь, оптовики не всегда могли взыскать свои долги с мелочных купцов, так как, привозя из России главным образом ситцы, оптовики поневоле старались сохранять хорошие отношения со своими должниками. В противном случае оптовик рисковал остаться с товаром без денег, которые нужны были ему для закупки вывозимого в Россию хлопка и раздачи задатков дехканам под будущий урожай⁴³.

Торговые сделки на базарах ханства осуществлялись на хивинские деньги. Серебряная монета «кокан» или «танга» (равная примерно 20 коп.) считалась основной денежной единицей. Существовала также медная монета — «пуль» или «чака»; 32 такие монеты составляли одну тангу.

Крупные расчеты производились при помощи золотой монеты — «тилля», равной 9 танга, или 1 руб. 80 коп. Изредка в обращение попадали «большие тилля» ценою в 3 руб. 60 коп.⁴⁴

В 1893 г. царское правительство запретило хивинскому хану чеканить тангу, что послужило толчком к быстрому распространению в ханстве русских денег⁴⁵.

От торговли вообще, в частности от базаров, в ханскую казну поступали значительные доходы. В частности, туда полностью поступал доход с городских базаров Мангыта, Кош-Купыра, Дарган-Ата, Питняка, Кунграда, Кыта, Киличбая и др. В пользу религиозных учреждений шли торговые сборы с базаров Астана, Хивы, Ханки, Кипчака, Ходжейлы, Куня-Ургенча, Тахты. Налоги, поступающие с Хазараспа, Шавата, Кунграда, хан и духовенство делили между собой⁴⁶.

С богатых купцов взимался особый налог — «бой пули». Он определялся ханом: после получения ханских ярлыков каждый богатый купец должен был платить определенную сумму в казну⁴⁷. Кроме того, каждый продавец должен был платить «таги жой» — плату за место на базаре и за право торговать. Этим налогом облагались все купцы, в соответствии с размером лавки, удобством ее расположения и продаваемым в ней товаром, в размере от 1 танги до 1 тилля⁴⁸.

Непосредственно на базарах торговцы платили сборщику налогов лавочный сбор — «муанат пули» и весовой сбор — «тарази пули».

В ханскую казну шел также денежный доход от маклерства — «даллал хаки», «даллали». Этот сбор взимался с торговца и покупателя; если заключаемая между ними сделка превышала 20 тилля, то взимался налог в сумме 1 танги. Ежегодно

³⁷ Там же.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 6 об.

³⁹ Садыков А. С. Из истории экономических и культурных связей Хивы с Россией (1873—1917) // Труды САГУ. Новая серия. Вып. 142. Материалы к вопросу прогрессивного значения присоединения Средней Азии к России. Ташкент, 1958. С. 68.

⁴⁰ ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 12, л. 8 об.

⁴¹ Там же, л. 2 об.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, л. 3.

⁴⁴ Мак-Гакхан. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М., 1875. С. 225—226.

⁴⁵ ЦГВИА, ф. 483, оп. 1, д. 136, л. 5 об.

⁴⁶ Садыков А. С. Экономические связи... С. 109.

⁴⁷ Туркестанские ведомости. 1874. № 14.

⁴⁸ Мак-Гакхан. Военные действия... С. 207.

хан получал от сбора даллалы 500—1000 тилля⁴⁹. Этот налог был обязательным для всех купцов, независимо от того, участвовали ли посредники в торговой операции.

Одной из первых статей дохода ханской казны был «зякет», или пошлина с товаров, привозимых и вывозимых из ханства караванами, составлявшая около 140 тыс. руб. в год⁵⁰.

Репортер американской газеты «Нью-Йорк геральд» Мак-Гахан, ссылаясь на учетные книги ближайшего советника хивинского хана, Мат-Мурада, приводит цифры налогов, собиравшихся самим Мат-Мурадом. Так, налог, взysкиваемый с привезенных русских товаров, составлял 2,5% и доходил до 11 тыс. малых тилля; зякет с товаров, привозимых из Бухары и других стран, составлял 8663 малых тилля⁵¹.

В ханскую казну поступал и зякет со скота. Этот сбор равнялся приблизительно 40 тыс. руб. в год. Со скота, пригоняемого на базар, взимали: с овцы — 0,5 танги, с верблюда — 2, с лошади — 2, с крупного рогатого скота — по 1 танге⁵².

Впрочем, фактически в ханскую казну попадала лишь часть податей от внутренней торговли, ибо сбор их сдавался в аренду откупщикам, которые более половины собранных сумм утаивали от хана. Сбор некоторых видов торговых податей ханы предоставляли своим родственникам и сановникам. Например, базарный сбор в Хазараспе собирал дядя хана, Инак-Ибрагим-Ходжа, который уже от своего имени сдавал базар в аренду⁵³. Базарный сбор в т. Хиве был отдан на откуп Мат-Мураду диван-бегу. Каждый год он вносил в пользу религиозных учреждений 2000 тилля (3600 руб.), а остальную выручку — до 18 тыс. руб. — утаивал от хана⁵⁴.

С купцов, однако, все подати взимались неукоснительно, что отрицательно сказывалось на состоянии торговли (порою дело доходило до разорения торговцев)⁵⁵.

В заключение надо отметить, что базары были не только пунктами торговли, но и местом оживленного общения мужской части населения. Здесь обменивались новостями, проводились деловые и другие встречи и т. п.

Базары содействовали развитию товарного обращения в ханстве, его экономических связей с другими районами Средней Азии, с кочевой степью, соседними странами, а особенно с Россией. Все это способствовало изживанию былой экономической замкнутости ханства, сложению единого внутреннего рынка.

Э. Сагдиев

⁴⁹ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 29, д. 138, л. 4.

⁵⁰ Тухтаметов Т. Г. Россия и Хива в конце XIX — начале XX вв. М., 1969. С. 115.

⁵¹ Мак-Гахан. Военные действия... С. 206—207.

⁵² Туркестанские ведомости. 1873. № 32.

⁵³ ЦГИАЛ, ф. 183, оп. 1, д. 16, л. 3—3 об.

⁵⁴ Там же, л. 3 об.

⁵⁵ См.: Рожкова М. К. Экономические связи России со Средней Азией: 40—60-е годы XIX века. М., 1963. С. 40.

О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Проблемы палеолита на территории Средней Азии и Южного Казахстана в течение нескольких лет разрабатываются автором этих строк на основе анализа богатого археологического материала, добытого нами в результате 20 лет полевых работ на многослойной палеолитической стоянке Кульбулак, тщательной обработки объектов индустрии многих палеолитических памятников, хранящихся в фондах Ленинграда, Москвы, Нукуса, Самарканда, Ташкента, и критического анализа литературы по палеолиту Средней Азии и Южного Казахстана.

За последние два-три десятилетия в ходе планомерных работ на территории указанного региона открыты многочисленные разновременные палеолитические памятники, исследование которых показало, что территория Средней Азии и Казахстана, в том числе Узбекистана, в эпоху палеолита была широко заселена первобытными людьми. Следовательно, этот культурно-исторический регион можно включить в число древнейших очагов формирования и развития человечества на территории нашей страны.

Однако, как выяснилось из анализа источниковедческой базы, палеолит на территории Средней Азии и юга Казахстана, как, впрочем, и других обширных регионов, изучен очень неравномерно, а потому имеется ряд проблем, требующих своего решения.

Так, на территории Средней Азии и Казахстана пока выявлено всего два памятника позднеолдувайской эпохи: один из них — Кульдара в Южном Таджикистане¹, другой — в долине р. Арыстанды Южного Казахстана².

¹ Ранов В. А. Исследование палеолитических стоянок Южного Таджикистана // Археологические открытия (АО) 1982 г. М., 1983. С. 503; Додонов А. Е. Антропоген Южного Таджикистана. М., 1986. С. 41.

² Алпысбаев Х. А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 15—26.